

ЧИТАЯ МАРКСА

Б. М. Лепешко

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
224005, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21, каб. 320.
e-mail: b.m.lepeshko@gmail.com

Рассматриваются некоторые актуальные проблемы теоретического наследия К. Маркса в контексте современности. Обращено внимание на биографию, жизнь теоретика с точки зрения борьбы за идеи, отстаивания идей.

Ключевые слова: революция; реформа; социальное предвидение; биография.

READING MARX

B. M. Lepeshko

Brest State University.
224005, Brest, boul. Kosmonavtov, 21. cab. 320.
e-mail: b.m.lepeshko@gmail.com

Some relevant problems of the theoretical heritage of K. Marx in the context of modernity are examined in the article. Attention is drawn to the biography, to the life of the theorist from the struggle-for-ideas point of view.

Keywords: revolution; reform; social foresight; biography.

Перед фигурой, жизнью Маркса останавливаешься, как перед непостижимо неприступной горой. Ладно, «Капитал», который и сегодня читают и не могут прочесть, пробуют понять и кто-то соглашается с выводами теоретика, а кто-то объявляет чепухой. Многочисленные затруднения по поводу чтения трудов классиков хорошо охарактеризовал Василий Розанов, несколько десятилетий спустя попытавшийся прочесть ещё один фундаментальный труд, А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Подержав в руке несколько мгновений увесистый фолиант, Василий Васильевич произнёс: «Что ж, представим себе, что я всё это уже прочитал» и отложил книгу в сторону. Похожее отношение царило и в тех коридорах, где считали важным прочесть главную работу Маркса. Ровно через сто лет после публикации «Капитала» английский премьер-министр Гарольд Вильсон дошёл только до второй страницы. Он признавался, что «и это много». Вильсон полагал, что признание в невежестве сделает его привлекательным для представителей среднего класса, многие из которых гордились, что не имеют ничего общего с Марксом. Это напоминает и ситуацию сегодняшнего дня, когда Маркс фактически ушёл из студенческих аудиторий, обществоведы не считают важным сослаться на некоторые его труды и в целом отношение лёгкого скепсиса и снисходительности становится нормой в отношении к марксовым идеям.

Чтобы осознать всю спорность такого подхода, вспомним известный тезис Маркса, согласно которому «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это тоже непопулярный тезис в наши дни, поскольку главное его содержание, требующее революционного отношения к действительности, дезавуируется реформаторами. «Хватит революций, — слышны многочисленные голоса. — Революции давно ушли в прошлое, приветствуется эволюционизм и реформизм». Как будто хоть когда-то в истории и кто-то прислушивался к голосу тех, кто стремился остановить революционный процесс. Революции не только закономерны, они фатальны. Маркс, конечно, не был фаталистом, он полагал, что революции неизбежны в силу «железных законов» развития общества. Прежде всего, экономического развития и история 18, 19 веков давала ему для этого вывода все основания. Действительно, вопрос о том, надо ли «изменять мир» или же важно вспомнить завет одной из школ китайской философии, призывавшей не вмешиваться в естественный ход событий, непростой. Опыт нашей истории, наших поколений свидетельствует, что революции воспринимались очень болезненно людьми, правда, есть и иной вопрос: а, что, реформы того или иного порядка всегда были счастливым выбором между вареньем и мёдом? Очевидно, здесь надо обращаться к контексту (ментальному, интеллектуальному, социально-экономическому) и решать (пытаться понять) проблему при учёте максимума объективных обстоятельств.

Сегодня полагают, что многие выводы коммунистического пророка (или дьявола, но оба термина по отношению к теоретику комплиментарны) «не работают», они исчезли вместе с ситуацией прошлых веков. Например, положение о прогрессирующей нищете пролетариата: и где вы видите эту нищету? На кончике спутниковых антенн и бамперах личных автомобилей трудящихся? Но ведь и Христос говорил о неизбежности и росте абсолютного обнищания, кто, интересно, опроверг его слова? Но дело не только в этой аналогии. По сути, можно утверждать, что появление спутниковых антенн и личных автомобилей у тех, кто имел когда-то одни цепи, стало возможным тогда, когда мир пережил Великую революцию 1917 года в России со всеми её последствиями (войнами, обрушением традиционных ценностей и т.д.) Но ведь революция 1917 года теоретически выпестована Марксом при всех изменениях её характера и сути в последующем.

Достаточно интересна и критика в адрес Маркса, которая раздаётся со стороны авторов, представляющих новую концепцию знания (К. Поппер, П. Фейерабенд и др.). Здесь вообще критика фактически отсутствует — на том основании, что гипотезы Маркса нельзя ни доказать, ни опровергнуть: меняется система исходных констант, вообще рассуждать о ценности теории можно исключительно в рамках того или иного контекста (не только исторического). Но хорошо бы вспомнить, что

во времена кризисов (и не только в эти времена) студенты западных стран вместе со своими профессорами штудируют «Капитал», чтобы понять, есть всё-таки выход из этих циклов или надо примириться с неизбежным? Хорошо бы объяснить, почему издатели издают политэкономические и философские работы Маркса несмотря на то, что «читать «Капитал» невозможно». Да и определение нищеты, как и у Христа, у Маркса носит не только экономический характер, но и духовный. Маркс писал и неоднократно, что накопление богатства на одном полюсе, является накоплением мук рабства, ожесточения и моральной деградации на другом. Спрашивается, с нотками торжества: ну, где все эти ужасы? Тут весь вопрос, как смотреть и как оценивать. Возьмите те изменения в духовной сфере, свидетелями которых мы сегодня являемся. Все эти атаки на институт семьи, на христианство, феномен олигархата, новая смердяковщина в отношении к тем ценностям, которые века являлись основополагающими и быстро придёте к выводу, что суть вопроса не изменилась или изменилась незначительно. Капитал просто научился манипулировать своими возможностями. Есть и ещё одна причина того, почему Маркса не приветствуют современные «не классики». Это стремление учёного мыслить логично, ясно, словом, перед нами «чистый» рационалист, чуждый постмодернистским вывертам. Вообще говоря, сегодня отношение к логике в её классическом, аристотелевском духе есть своего рода «лакмусовая бумажка», поскольку определяет выбор главных доминант философского мышления, связанных с классической и неклассической (постнеклассической) парадигмами знания.

Маркс оставил нам ещё один урок, урок научной честности, интеллектуальной последовательности, стремления быть верным до конца той идее, которую он считал верной. Вспомним, как ещё недавно многие марксисты мгновенно «прозрели» и ладно бы, если вооружились иной эффективной методологией, это было бы понятно. Но суть заключалась в том, чтобы уничтожить, растоптать следы собственных теоретических «ошибок», как они полагали. Спору нет, многие из нас стали на иные методологические позиции, восприняли как «своё» феноменологию, герменевтику и прочие искусства западной теоретической мысли. Это – нормально и естественно, здесь можно утверждать, что незнание многих теоретических достижений общественной, философской мысли принесло нам ощутимый вред. Но что, Маркс в этом виноват? Такое чувство, что для многих резко критическое отношение к идеям Маркса связано либо с политическим содержанием дискуссии, либо с личной неудовлетворённостью в том, что был сделан неверный выбор. Да, Маркс был чудовищно резок, он никогда не стеснялся в выражениях. Как он охарактеризовал однажды Арнольда Руге: «Человек, похожий на хорька». Но этого ему показалось мало, и он добавил: «Руге стоит в германской революции, подобно установленной на углу некоторых улиц тумбе с объявлением: «Здесь разрешено сливать воду». Но речь шла о защите идей,

о принципиальной позиции по мировоззренческим вопросам, а не о карьере или денежном довольствии.

Бедность, нищета – это вообще доминанта реальной жизни Маркса и его семьи. Позже к этому добавились и болезни. Его мучали фурункулы и он острой бритвой срезал их, с гневным удовлетворением наблюдая, как на ковёр капает кровь. Он не мог работать сидя, поэтому стоял за пюпитром – пока мог. Ему прописали от сильных болей наркотики, но он отказывался и от них – просто не мог работать в затуманенном состоянии, а если он не мог работать, то зачем вообще жить? Он мог бы повторять слова М.Булгакова: закончить роман и умереть, если бы, конечно, знал их. Его «роман» – политэкономические труды, которые он всё же не закончил. Были, конечно, и настоящие романы – у Маркса (как полагают) родился внебрачный сын Фредди от служанки Ленхен и жена, Женни, которая всё это знала, решила молчать, не скандалить. Официальная версия – чтобы не давать врагам Маркса ещё один аргумент против него. Впрочем, разве это её единственная жертва на алтарь коммунизма? К слову, Фредди единственный дожил до преклонного возраста из всех детей Маркса, тихий и незаметный человек. Четыре ребёнка умерли ещё до смерти автора «Капитала», а две дочери покончили жизнь самоубийством. Ответить на вопрос, почему в счастливой, уважающей друг друга семье дети не продолжили столь счастливое существование, сложно.

Конечно, жизнь Маркса – это не евангелическое повествование о жизни святого. У него была масса врагов и ещё больше – скрытых недоброжелателей. Принципиальность, бесстрашие, резкие личные характеристики не всегда вызывали позитивную реакцию. Он мог быть двуличен, как в случае отношений с Ф. Лассалем. В письмах к Энгельсу Маркс, например, крайне пренебрежительно отзывался о книге Лассалья «Гераклит». Но в переписке с самим автором был снисходителен, не жалел комплиментов, называя и стиль, и содержание работы «блестящими». Причина проста: Лассаль охотно распространял идеи Маркса, относился к нему с глубоким уважением, более того, посылал бедствующему товарищу в Лондон деньги.

Что важнейшее в теоретическом наследии Маркса? Конечно, на первом месте то, что сам учёный называл главным достижением своей жизни. Это положение (предисловие «К критике политической экономии»), согласно которому в общественном производстве своей жизни люди вступают в не зависящие от них производственные отношения, которые соответствуют определённой стадии развития их материальных производительных сил. И дальше – канонические тезисы про базис, надстройку и про то, что «не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Это положение до сих пор для кого-то верное, для кого-то дискуссионное, но мало кто сомневается в его эвристической ценности.